

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

1 ЮЛЯ.

№ 13

1900 года.

Отъ Особого Комитета по сооруженію въ г. Воронежѣ храма Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Христолюбивымъ обитателямъ Воронежской епархіи.

Въ 1888 году городъ Воронежъ и Воронежская епархія вмѣстѣ со всею православною Россією чествовали девятисотлѣтіе крещенія нашихъ предковъ при Святомъ Князѣ Владимірѣ. Въ ознаменованіе сего событія тогда же явилась мысль о сооруженіи въ г. Воронежѣ храма въ честь Равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи Св. Благовѣрнаго Князя Владиміра. Въ 1894 году Воронежскимъ Городскимъ Управленіемъ отве-

дено было мѣсто для постройки храма, и граждане выразили свое сочувствіе благому дѣлу посильными пожертвованіями, одинъ же изъ нихъ (Никита Зубовъ) одновременно внесъ для начала дѣла 20 тысячъ руб. Въ виду всего этого учрежденъ былъ подъ предѣдательствомъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Анастасія, Епископа Воронежскаго и Задонскаго, Особый Комитетъ по сооруженію въ г. Воронежѣ храма во имя Св. равноапостольнаго Князя Владиміра. Такъ какъ предполагаемый храмъ долженъ былъ служить памятникомъ крещенія Россіи при Св. Владимірѣ, то въ составленномъ проектѣ ему даны были видъ и размѣры, которые бы, по возможности, соответствовали величію и важности событія, въ память коего положено соорудить его: по первоначальной смѣтѣ все зданіе должно было стоить до 120 тысячъ руб.

30 Іюля 1896 года совершена была закладка храма, и съ того времени въ 1896, 1897, 1898 и 1899 годахъ производилась постройка соответственно поступившимъ на то пожертвованіямъ, и до настоящаго времени возведены два яруса стѣнъ и пилюновъ съ израсходованіемъ на матеріалъ и работы свыше 78 тысячъ рублей. Чтобы окончить постройку храма только вчернѣ, требуется сумма до 45 тысячъ руб., въ распоряженіи же Комитета есть только 16 тысячъ руб. А потому, чтобы избѣжать печальной необходимости остановиться на неопредѣленное время сооруженіемъ храма, Комитетъ вынужденъ обратиться къ христоролюбивымъ обитателямъ Воронежской епархіи съ покорнѣйшею просьбою оказать содѣйствіе ему посильными пожертвованіями на продолженіе начатаго дѣла сооруженія храма. Такъ какъ въ этомъ храмѣ до скончанія вѣка будетъ приноситься Безкровная Жертва за всѣхъ православныхъ христіанъ съ сугубымъ моленіемъ за жертвователей, благодѣателей и создателей

его, то да будетъ позволено надѣяться, что православные обитатели Воронежской епархіи, каждый по мѣрѣ силъ и средствъ, не откажутся принести свою жертву на продолженіе начатой постройки. О всѣхъ пожертвованіяхъ съ указаніемъ именъ жертвователей будетъ печатаемо въ Воронежскихъ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и газетѣ «Воронежскій Телеграфъ».

Предсѣдатель Особаго Комитета, *Анастасій, Епископъ Воронежскій и Задонскій.*

1900. Іюня 19.

Взглядъ на жизнь православнаго христіанина.

Незадолго до прѣздняка—іудейской Пасхи—послѣдней въ земной жизни Спасителя—съ двѣнадцатью избранныхъ учениковъ и въ сопровожденіи многочисленной толпы богомольцевъ отъ предѣловъ Галилеи Иисусъ Христосъ направился въ іудейскій городъ Іерусалимъ. Дорогою Онъ поучалъ народъ и исцѣлялъ всѣхъ, кто нуждался въ Его помощи и съ живою вѣрою прибѣгалъ къ Нему—небесному врачу душъ и тѣлесъ. Въ это время Онъ далъ отвѣтъ слѣдившимъ за нимъ фарисеямъ и книжникамъ на ихъ искусительный вопросъ,—по всякой-ли причинѣ позволительно разводиться съ своею женою (Мѡ. 19, 3—12; Марк. 10, 2—12), и потомъ разъяснилъ своимъ ученикамъ, когда и при какихъ условіяхъ безбрачное состояніе является угоднымъ Богу подвигомъ, выполненіе котораго возможно для того, кто получилъ особый даръ воздержанія и способность къ цѣломудренной дѣвственной жизни. Какъ подвигъ, безбрачіе—для немногихъ только и исключительныхъ лицъ; одни, говоритъ Спаситель, неспособны въ брачной жизни по условіямъ сво-

его рожденія или тѣлесной организаціи; другіе неспособны, «какъ отъ людей оскочишася»; иные, наконецъ, побороли въ себѣ всякую мысль о бракѣ по релігіознымъ побужденіямъ—волѣдствіе высшихъ стремленій духа на служеніе Богу. На обязанности однихъ, такимъ образомъ,—вступать въ бракъ и служить Богу въ брачномъ состояніи, на обязанности же другихъ—изгнать самую мысль о бракѣ и служить Богу въ состояніи дѣвства, «могій вмѣстити, да вмѣститъ». И вотъ, какъ бы въ поясненіе великаго значенія брачной жизни, въ наглядное доказательство того, что въ христіанствѣ «бракъ честенъ» и «ложе нескверно», Евангелисты описываютъ затѣмъ весьма трогательное событіе благословленія дѣтей, событіе, занимавшее воображеніе поэтовъ и художниковъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Релігіозно настроенные отцы и матери поспѣшно приводятъ къ Спасителю плоды брачнаго союза—своихъ дорогихъ дѣтей, а на рукахъ держать невинныхъ малютокъ, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ и благословилъ ихъ. Такое усердное ихъ желаніе въ настоящую минуту ученики Христа нашли неумѣстнымъ и недоѣдливымъ для своего Учителя и потому отстраняли ихъ. Въ душѣ своей они негодовали, что напрасно тѣснится тутъ толпа простыхъ жевшивъ съ своими дѣтьми, не допуская, быть можетъ, болѣе важныхъ личностей и съ болѣе важными вопросами. Но Спаситель, съ укоризною взглянувъ на своихъ учениковъ, сказалъ: «пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть царство небесное». И обвиняя малютокъ, Онъ возлагалъ на нихъ руки и благословлялъ ихъ, и снова всѣмъ напоминалъ часто повторявшееся Имъ наставленіе: «истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него» (Марк. 10, 15). Послѣ этого глубоко-назидательнаго случая, вмѣстѣ съ другими Христосъ отправился дальше въ

путь; и вотъ произошелъ новый случай, глубоко запечатлѣвшійся въ душѣ Его учениковъ. Проталкивается сквозь толпу и торопливо подходитъ къ Спасителю одинъ человѣкъ, по возрасту—юношескихъ лѣтъ, а по общественному положенію—какой то начальникъ, падаетъ предъ Нимъ на колѣна и говоритъ: «благій Учитель, что сдѣлать мнѣ добраго; чтобы наследовать вѣчную жизнь?» (Мѡ. 19, 16), на что получаетъ отвѣтъ: «если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди». (Мѡ. 19, 17). На новый вопросъ юноши «какія»?—для примѣра Спаситель приводитъ нѣсколько заповѣдей изъ Моисеева закона: «не убивай, говоритъ Онъ, не прелюбодѣйствуй, не кради, не лжесвидѣтельствуй, почитай отца и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя (Исх. 20, 13—16; Лев. 19, 18). Надѣясь услышать что нибудь новое отъ столь прославляемаго Учителя, юноша совсѣмъ не ожидалъ такого простого отвѣта и съ удивленіемъ говоритъ: «все это сохранилъ я отъ юности своей, что еще не достаетъ мнѣ?» Взглянувъ на его восторженный видъ, Іисусъ сказалъ ему: «если хочешь быть совершеннымъ, поди продай свое имѣніе и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною». (Мѡ. 19, 21).

Въ лицѣ этого богатаго юноши, съ горячностію предложившаго вопросъ: «что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный», богословы римско-католической церкви видятъ человѣка искренняго, честнаго и правдиваго. Онъ говорилъ несомнѣнную правду, когда утверждалъ, что всѣ заповѣди, указанные ему Спасителемъ, сохранилъ отъ юности своей, исполнилъ все необходимое для наследія вѣчной жизни; и если оставалось ему что-либо еще сдѣлать, то развѣ—принять на себя какіе-либо особенные подвиги, особенные обѣты, которые въ его жизни являлись бы высшею степенью благочестиваго усердія и святой ревности къ нравственному совершенству, но

не были бы для него чѣмъ-либо обязательнымъ, должнымъ. Съ спокойною совѣстью онъ могъ ихъ исполнить, но не было бы никакого грѣха, еслибы они остались безъ исполненія. Исполненіе этихъ подвиговъ возвело бы его на высшую степень совершенства и потому сдѣлало бы его достойнымъ высшаго прославленія, высшихъ наградъ въ загробной жизни; въ противномъ случаѣ долженъ былъ довольствоваться одною только увѣренностію въ наслѣдіи вѣчной жизни, которую онъ заслужилъ своимъ ревностнымъ исполненіемъ закона Моисеева. Отсюда ясно, что въ наставленіи Спасителя: «аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое», по мнѣнію вышеупомянутыхъ богослововъ, не заключается что-либо существенно необходимое для нравственнаго развитія богатаго юноши, безъ чего онъ и не наслѣдовалъ бы блаженства въ загробной жизни. Нѣтъ, въ этихъ словахъ выражено одно лишь желаніе ему высшаго блага, одинъ благой совѣтъ, слѣдовать, или не слѣдовать которому предоставлялось его доброй волѣ. Спаситель какъ бы такъ говоритъ богатому юношѣ: «все, что требуется обязательными предписаніями закона, ты усердно выполнилъ; поэтому самому ты уже получилъ право на наслѣдіе вѣчной жизни; но не хочешь-ли достигнуть чего-либо высшаго, что прямо для тебя необязательно, но потому-то и составляетъ сверхдолжное совершенство. Если желаешь достигнуть такого именно совершенства, то сдѣлай вотъ что: поди, продай свое имѣніе и вырученное раздай нищимъ; если исполнишь это, получишь высшую степень райскаго блаженства, а если не исполнишь—получишь низшую награду въ райскихъ обителяхъ». Такое разсужденіе въ полномъ согласіи стоитъ вообще съ римско-католическимъ ученіемъ о добрыхъ дѣлахъ христіанина, какъ условіяхъ его оправданія и спасенія. Добрыя дѣла, совершаемыя человекомъ, Римскими богословами называются „merita de condigna“

т. е. такими заслугами со стороны человека, за которыя онъ наследуетъ вѣчно-блаженную жизнь, какъ нѣчто должное; блаженство, такимъ образомъ, является со стороны Бога не даромъ, а заслуженною наградою, даже болѣе—необходимую платою за земные подвиги и труды человека. Между тѣмъ, христіанинъ въ состояніи не только исполнить весь законъ и тѣмъ заслужить для себя блаженство въ загробномъ мірѣ,—онъ можетъ совершить нѣчто больше закона и чрезъ это открыть доступъ къ вѣчной блаженной жизни своимъ ближнимъ, почему-либо не исполнившимъ всего закона. Отсюда—ученіе о сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлахъ составляетъ вѣнецъ всего догматическаго ученія западной церкви объ оправданіи. У Беллармина—одного изъ видныхъ выразителей вообще ученія западной церкви объ оправданіи и толкователя правилъ Тридентскаго собора по этому вопросу—этотъ пунктъ католической догматики формулируется такимъ образомъ: законъ есть собраніе заповѣдей, обязательныхъ для каждаго вѣрующаго. Исполняя ихъ, человекъ самъ для себя заслуживаетъ вѣчное спасеніе. Но кромѣ заповѣдей закона въ собственномъ смыслѣ, въ Евангеліи предлагаются такъ называемыя „*consilia perfectionis*“—совѣты совершенства. Ихъ три: воздержаніе, послушаніе и нищета. Это—ни заповѣди, ни нѣчто безразличное для спасенія, но совѣты пріятные Богу и только рекомендуемые Имъ, но не заповѣдуемые. Исполняющій ихъ совершаетъ нѣчто сверхдолжное и не только заслуживаетъ для себя вѣчную жизнь, но можетъ заслужить ее и для другихъ ¹⁾ (п. 2). Равнымъ образомъ, и въ катехизисѣ Стацевича говорится: «приказанія или заповѣди предписаны всѣмъ, какъ строгія обязанности; совѣты же предлагаются только какъ средства къ достиженію совершен-

¹⁾ Теодоровичъ. Уч. Трид. соб. объ оправд. стр. 77; примѣч. п. 2.

ства» (Облич. богосл. Перова стр. 59). Слѣд.: кто исполняетъ евангельскіе совѣты, тотъ совершаетъ такія дѣла, которыя стоятъ выше требованій закона,—словомъ совершаютъ дѣла сверхдолжныя и можетъ достигнуть высокой степени святости.

Въ виду такого своеобразнаго повимавія т. н. евангельскихъ совѣтовъ представляется благовременнымъ обратить вниманіе а) на то: можетъ-ли православный христіанинъ такъ смотрѣть на свои добрыя дѣла, вообще на свое нравственное совершенство? Можетъ-ли усаждать въ своей душѣ тою горделивою мыслию, что, живи по евангельскому закону, трудясь надъ своимъ нравственнымъ развитіемъ, онъ въ состояніи не только достигнуть небеснаго царствія, но совершить въ своей жизни нѣчто лишнее, сверхдолжное, за что ожидаютъ его высшія награды въ загробномъ мірѣ? И—б): дѣйствительно-ли въ извѣстномъ наставленіи Спасителя богатому юношѣ заключается какое-либо основаніе предполагать возможность сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлъ въ жизни христіанина, которыя могутъ быть вмѣняемы другимъ, менѣе совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи? На разсмотрѣніи этихъ именно вопросовъ мы и сосредоточимъ свое вниманіе.

Несомнѣнная, конечно, истина, что достигшіе въ нравственномъ отношеніи высшей степени чистоты и совершенства въ будущей жизни наследуютъ вѣчное блаженство; не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ ихъ дѣла, за которыя истинные послѣдователи Христа услышатъ нѣкогда радостныя слова: «прійдите благословеніи Отца Моего; наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ слезенія міра», на страшномъ судѣ вмѣнятся имъ въ большую или меньшую заслугу. Всевышній Судія, предъ Которымъ ничто не можетъ утаиться изъ жизни человѣка, предъ Которымъ «все—наго и открыто», по достоинству оцѣнитъ тогда не только наши дѣла, но и всѣ тай-

ные помыслы нашего сердца. Тогда каждый получить «мзду по своему труду»; и чаша холодной воды, поданная съ любовью ближнему, заслужить свою должную награду. Но естественно возникает вопросъ: до этого страшнаго, окончательнаго суда Божія можемъ-ли мы смотрѣть на свои добрые поступки, какъ на дѣйствительныя заслуги предъ Богомъ и гордиться ими? Въ правѣ-ли мы, если ужъ не требовать себѣ награды за добродѣтельную жизнь здѣсь на землѣ, то навѣрное рассчитывать на нее и съ надмѣнною самоувѣренностью дожидаться ея полученія тамъ въ загробномъ мірѣ? Можетъ-ли въ душѣ христіанина таиться такое эгоистическое чувство, которое при совершеніи добрыхъ дѣлъ услаждало бы его расчетливою мыслію,—что вѣдь это—все мои личныя заслуги предъ Богомъ, за которыя въ будущемъ ожидаетъ меня нескончаемое райское блаженство, а по исполненіи многихъ добрыхъ дѣлъ, окончательно успокоило бы его въ томъ, что уже въ достаточной степени онъ выполнилъ мѣру обыкновенныхъ, доступныхъ всѣмъ людямъ добрыхъ дѣлъ и съ этого времени начнетъ совершать особенныя, сверхдолжныя дѣла предъ Богомъ? При христіанскомъ смиреніи—главной основѣ всего нравственнаго совершенства—невозможно допустить въ его душѣ такихъ горделивыхъ мыслей. Такое внутреннее самодовольство, при взглядѣ на свою жизнь, возможно было только въ извращенномъ нравственномъ сознаниіи ветхозавѣтнаго іудея, жившаго подъ игомъ закона и думавшаго оправдаться отъ дѣлъ закона, который сираведливымъ считалъ свои заслуги предъ Богомъ опредѣлять сравнительнымъ количествомъ вышшаимъ образомъ выполненныхъ предписаній закона. «Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ какъ прочіе люди—обидчики, грабители, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь: поцусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что приобретаю» (Лк. 18, 11—12); вотъ съ какимъ над-

мѣннымъ самодовольствомъ, приди въ храмъ, молился гордый сознаниемъ своей законной праведности фарисей! Но такое чувство горделивой самоувѣренности, сознаниа своихъ заслугъ совершенно чуждо духу новозавѣтнаго человѣка, оправдывающагося по вѣрѣ въ распятаго за насъ Сына Божія. Уже самый первый шагъ его къ новой духовной жизни, самое начало его вѣры во Христа—Спасителя міра—невозможно безъ глубокаго сознаниа своей духовной нищеты, своей грѣховности и своего полнаго безсилія собственными средствами выдти изъ этого печальнаго нравственнаго состоянія. Свою возвышенную нагорную бесѣду, въ которой для всѣхъ людей и на всѣ времена представленъ идеалъ нравственнаго совершенства, Спаситель начинаетъ словами: «Блаженни нищіе духомъ» т. е. блаженны тѣ, которые добровольно смиряютъ себя не только предъ Богомъ, величіе Котораго безиредѣльно, но и предъ людьми, считая себя первыми изъ грѣшниковъ, которые сознаютъ недостаточность собственныхъ силъ для духовной, святой жизни, прибѣгаютъ къ Богу и у Него испрашиваютъ себѣ благодатной помощи. А почему прежде всего Господь ублажаетъ нищету духа или смиреніе, ясный и точный отвѣтъ на это даетъ намъ Св. Іоаннъ Златоустъ: «поселяку, говоритъ онъ, величайшія бѣдствія, удручающія всю вселенную, произошли отъ гордости,—такъ діаволь, не бывши прежде таковымъ, сдѣлался діаволомъ отъ гордости; такъ и первый человѣкъ, обольщенный отъ діавола, палъ и сдѣлался мертвымъ за гордость, и каждый послѣ Адама, мечтающа о своемъ равенствѣ съ Богомъ, впадалъ въ нечестіе,—поселяку, говорю, эта гордость есть верхъ золь, корень и источникъ всякаго нечестія, то Спаситель и приготовляетъ врачевство соотвѣтствующее болѣзни, полагаетъ этотъ первый законъ—нищету духа—какъ крѣпкое и безопасное основаніе, ибо на этомъ основаніи съ безопасностію можно сози-

дать все прочее. Когда же не будет этого основанія, то хотя бы кто до небесъ возвышался жизнію, все это легко разрушится. Какъ гордость есть начало всякаго нечестія, такъ смиреніе есть начало всякаго благочестія. Потому-то Христосъ и начинаетъ тѣмъ, что съ корнемъ исторгаетъ гордость изъ души слушателей. Смиреніе такъ необходимо для вступленія въ царство Христово, что безъ него и одного шагу нельзя сдѣлать на пути ко спасенію. (Сбор. статей Барс. т. 1 стр. 415—416). Такимъ образомъ, при самомъ желаніи оставить прежнюю грѣховную жизнь и начать новую совершенную, человѣкъ всецѣло проникается сознаниемъ своего недостойнства предъ Богомъ и потому всецѣло отрѣшается въ душѣ отъ всякой мысли о своихъ личныхъ предъ Нимъ заслугахъ. Но вотъ человѣкъ-грѣшникъ увѣровавъ во Христа и «подвигомъ добрымъ подвизается» въ новой благодатной жизни,—какимъ чувствомъ одушевляется онъ въ своихъ непрерывныхъ трудахъ и подвигахъ? Что поддерживаетъ въ немъ духовную бодрость и энергію въ борьбѣ со всѣми встречающимися препятствіями на тернистомъ пути его нравственнаго самоусовершенствованія? Ужели то эгоистическое соображеніе, что за временныя лишенія, самопожертвованія сторицею получить онъ вознагражденія въ будущей жизни? Нѣтъ, главнымъ господствующимъ чувствомъ въ душѣ христіанина и главнымъ мотивомъ всей его добродѣтельной жизни навсегда остается въ немъ безконечная благодарность къ Богу за Его великую милость къ падшему человечеству и горячая сыновняя любовь и преданность въ отвѣтъ на Его отеческую къ намъ любовь. А при этихъ чувствахъ благодарности и любви, одушевляющихъ всю трудовую жизнь христіанина, нѣтъ, да и не можетъ быть мѣста для грѣховной горделивой мысли о какихъ то своихъ личныхъ заслугахъ предъ Богомъ. Кто за спасеніе свое крестною смертію Сына Божія

глубоко проникся чувством неоплатнаго долга предъ Богомъ, тотъ во всю жизнь не преставеть думать объ этомъ именно долгѣ, а не о своихъ личныхъ заслугахъ; и кто искренно отъ всего сердца любитъ Бога и постоянно възгрѣваетъ въ себѣ чувство сыновней къ Нему любви, тотъ все доброе совершаетъ единственно по любви къ Нему, какъ своему Отцу и благодѣтелю. Истинному христіанину поэтому совершенно чуждо низкое чувство наемника или раба, который на каждое свое дѣло смотритъ какъ на урочную работу съ извѣстнымъ опредѣленнымъ вознагражденіемъ; и потому, какъ при началѣ, такъ и при окончаніи дѣла исключительно заняты расчетомъ о личномъ трудѣ и соотвѣтственной договорной за него платѣ. И житейская мудрость съ ея ложнымъ нравственными понятіями внушаетъ вамъ: будь честенъ, ибо ты много приобрѣтешь этимъ; поступи справедливо, и ты преуспѣвать будешь въ этомъ мірѣ; но все это нечто иное, какъ мірская предусмотрительность, замаскированное самолюбіе. Не такими побужденіями мотивируется христіанинъ въ своихъ добрыхъ расположеніяхъ, мысляхъ и чувствахъ, осуществляя ихъ на самомъ дѣлѣ; Евангеліе просто говоритъ: «будьте совершенны, — почему? — потому что Отецъ вашъ небесный совершенъ есть; поступайте спрaвeдливо, потому что такъ требуетъ ваше богоподобіе. И если вообще все Евангельское ученіе проникнуто духомъ безкорыстнаго служенія добру, безкорыстной любви другъ къ другу, то съ особенною ясностью выражено это въ наставленіи Спасителя: «любите враговъ вашихъ, дѣлайте имъ добро и не ожидайте ничего за это». Вотъ почему, сколько бы и какихъ добрыхъ дѣлъ ни совершалъ христіанинъ, его искренняя любовь къ Богу, его сыновній предъ Нимъ долгъ вькогда не внушаетъ ему расчетливой мысли, что все это съ его стороны цѣнныя заслуги предъ Богомъ, и что этихъ заслугъ у него уже достаточно

для полученія спасенія и даже есть нѣкоторый излишекъ, вѣчто сверхдолжное. Напротивъ, искренняя любовь къ Богу неисчерпаема; по слову Апостола, она всегда побуждаетъ христіанина, «забывая задняя», мужественно стремиться впередъ, съ усердіемъ гнать къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Иисусѣ (Филип. 3, 13—14). Конечно, вельзя отрицать, что и всякій христіанинъ, въ своихъ добродѣтельныхъ поступкахъ одушевляемый любовью къ Богу и сыновнимъ къ Нему расположеніемъ, чрезъ то самое болѣе и болѣе стремится уподобляться Ему и быть въ вѣчномъ общеніи съ Нимъ; но тоже самая искренняя любовь не дозволитъ ему самому опредѣлять нравственное достоинство своей жизни, равнѣе высчитывать за нее награды на небесахъ, но съ оцѣнкой ея всѣмъ сердцемъ положиться на Того, Кто Самъ знаетъ, что уготовать любящимъ Его (1 Кор. 2, 9). Если, далѣе, мы обратимъ серьезное вниманіе на самый духъ обновленной христіанской жизни, то точно также придемъ къ тому несомнѣнному заключенію, то въ душѣ православнаго христіанина не можетъ быть мысли о личныхъ заслугахъ предъ Богомъ, что на оправданіе свое и спасеніе онъ смотритъ, какъ на дѣло любви и безконечной къ нему милости Божіей. Какъ физическая жизнь въ тѣлесномъ организмѣ есть развитіе физической жизненной силы, такъ и духовно нравственная жизнь есть постепенное развитіе и возрастаніе въ душѣ христіанина новаго благодатнаго начала. Настолько глубоко укореняется оно въ душѣ вѣрующаго, насколько широко охватываетъ его жизнь и дѣятельность, настолько развивается и вкрѣпнетъ въ нравственномъ смыслѣ слова и его духовная жизнь; и на оборотъ—съ ослабленіемъ или погашеніемъ благодатнаго начала постепенно должно ослабѣвать и даже совершенно погаснуть развитіе духовной жизни. Вотъ почему новокрещеннымъ, возрадившимся благодатію Св. Духа Св.

Апостолъ заповѣдуетъ «Духа не угашать». Но если безъ содѣйствія благодати Св. Духа не мыслимо надлежащее развитіе духовной жизни христіанина, то, съ другой стороны, не мыслима эта жизнь безъ самостоятельнаго дѣятельнаго участія его свободной воли, проявляющагося въ разныхъ видахъ христіанской добродѣтели. Чтобы эта жизнь развивалась правильно, восходя отъ силы въ силу, лично отъ насъ самихъ требуется выполненіе многихъ условій, напр.: постоянная бдительность надъ всѣми помыслами и движеніями сердца, крѣпкая духовная энергія, твердость и терпѣніе въ подвигахъ добродѣтели и проч. Но кто-же изъ православныхъ христіанъ сочтетъ для себя доступнымъ изъ своихъ добрыхъ дѣлъ, мыслей и стремленій, словомъ, изъ всей сферы своей добродѣтельной жизни точно выдѣлить, — что принадлежитъ его самостоятельной дѣятельности, его энергіи и что — содѣйствію благодати Божіей, и въ этой, такимъ образомъ, выдѣленной для себя сферѣ дѣятельности отыскивать и предполагать какую-то свою заслугу предъ Богомъ? Чѣмъ глубже кто проникаетъ въ самое существо, въ самый духъ христіанской жизни, христіанской добродѣтели, тѣмъ глубже сознаетъ онъ немощь своей природы; чѣмъ ярче сіяетъ въ душѣ его благодатный свѣтъ, тѣмъ яснѣе видитъ онъ свои недостатки и несовершенства, усматривая ихъ даже тамъ, куда не могутъ пытливымъ взоромъ заглянуть посторонніе и предполагать что либо худое, безнравственное; проникнуть, напр. въ самую внутреннюю основу пли корень нашихъ дѣлъ, которыя съ видимой стороны могутъ иногда поражать своимъ величіемъ, благотворностію, а по существу дѣла это — гробы, поваленные снаружи, а внутри полные смрада и костей, это — красивыя одежды, которыми прикрываетъ человѣкъ свои нравственныя язвы и недуги. Вообще, чѣмъ болѣе и болѣе духовно зрѣетъ христіанинъ, тѣмъ глубже сознаетъ онъ, что

то, чѣмъ онъ есть, благодатию Божіею есть (I Кор. 15), и что, съ превращеніемъ въ немъ, хотя на одно мгновеніе, благодатнаго содѣйствія, прекратилось бы и нормальное развитіе его духовной жизни. Никогда не забывая своего собственнаго несовершенства и того, кому по преимуществу принадлежитъ все хорошее въ его жизни, христіанинъ поэтому никогда не думаетъ гордиться своими личными заслугами, не мнитъ о себѣ высоко, не пытается въ своей душѣ слѣпой увѣренности въ ожидающихъ его будущихъ наградахъ, но всѣ свои желанія и чаянія сосредоточиваетъ на одной къ нему милости и любви Божіей. Въ такомъ смиренномъ духовномъ настроеніи живетъ онъ весь свой вѣкъ, совершая непрерывный рядъ подвиговъ труда и борьбы съ грѣховными влеченіями своей природы. Лучшіе въ нравственномъ отношеніи люди-подвижники, въ своей жизни оставившіе для насъ высокіе образцы нравственнаго совершенства— вотъ неопровержимое живое доказательство справедливости высказанной мысли. Они всегда и помнили и думали о своей грѣховности и, побѣдая земную жизнь, разставаясь съ близкими ихъ сердцу, въ своихъ послѣднихъ, прощальныхъ завѣтахъ смиренно просили о молитвахъ за яихъ предъ Богомъ. Въ настоящемъ случаѣ не будемъ говорить о безчисленномъ сонмѣ угодниковъ Божіихъ, всю жизнь проведенныхъ въ непрестанныхъ подвигахъ бдѣнія, поста и молитвы; тѣ, вторыхъ весь міръ не былъ достоинъ, по слову Апостола, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли, скитались въ милотяхъ и возьяхъ кожахъ, терпя недостатка, скорби и озлобленія. (Евр. XI, 37—38). Передъ нами дивный величественный образъ Св. ап. Павла, болѣе другихъ потрудившагося въ дѣлѣ проповѣди Христова ученія и во имя его съ любовію перенесшаго многочисленныя страданія и самую смерть; но при всей своей нравственной чи-

стотѣ жизни и онъ не разъ просилъ себѣ молитвъ у благочестивыхъ своихъ учениковъ: «умоляю васъ, братія, говорить онъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и любовію Духа подвизаться со мною въ молитвахъ за меня къ Богу». (Рим. 15, 30). И такъ онъ не смотрѣлъ на будущее блаженство какъ на дѣйствительную награду за его земныя заслуги, а какъ на даръ любви и милости Божіей, въ которой одной и полагалъ залогъ своей увѣренности въ наслѣдованіи обѣтованныхъ благъ. А возлюбленный ученикъ Христа ап. любви Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ намъ: «аще речемъ, яко грѣха неимамы, себе прельцаемъ... Много бо согрѣшаемъ вси» (1 Іоан. 1, 8; Іоан. 3, 2), — вотъ какъ глубоко смотрѣли на жизнь истинные подвижники Христа, Его ученики и апостолы!

Но если самъ христіанинъ, по сознанию своего безконечнаго нравственнаго долга предъ Богомъ и своей безконечной любви къ Нему, на добрыя дѣла свои не можетъ смотрѣть какъ на дѣйствительныя какія-либо заслуги, то позволительно спросить: можетъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ, что самъ Богъ, оцѣнивая всю его жизнь по сравнительному достоинству, должнымъ добрымъ дѣламъ отдастъ меньшее значеніе, а сверхдолжнымъ — большее и соответственно этому въ первомъ случаѣ воздастъ меньше награды, а во второмъ — больше? Признавая безконечное правосудіе Божіе, мы несомнѣнно конечно увѣрены, что наши дѣла, насколько они заслужаютъ, Всевышній вмѣнитъ намъ въ оправданіе, подобно тому, какъ твердую вѣру Авраама вмѣнилъ ему въ правду, и каждому воздастъ должное по его дѣламъ: «тогда вѣнждо изду приметъ по своему труду» (1 Кор. 3, 8). Но тутъ опять вопросъ: возможно-ли ограниченному человѣческому уму напередъ знать, какою мѣрою Всеправедный Судія будетъ руководиться при опредѣленіи относительнаго достоин-

ства нашихъ добрыхъ дѣлъ? Даже самымъ смѣлымъ полетомъ своей мысли въ состояніи-ли мы воспарить на высоту той точки зрѣнія, съ какою безконечная правда Божія станетъ разсматривать и обсуждать всю нашу жизнь и нашу добродѣтель? Своимъ ограниченнымъ умомъ можемъ-ли мы проникнуть во всѣ тайныя и явныя условія, имѣющія свое вліяніе и значеніе при совершеніи нами добрыхъ дѣлъ и должнымъ образомъ обсудить ихъ? Возможно-ли намъ заглянуть въ самыя сокровеннѣйшія побужденія, мысли и чувства, предваряшія и сопровождавшія извѣстное доброе дѣло? Да наконецъ, возможно-ли намъ знать всѣ условія духа времени, всѣ обстоятельства, благопріятствованія или затруднявшія исполненіе добраго дѣла, требовавшія отъ христіанина спокойнаго и легкаго труда, или же самой напряженной и самоотверженной дѣятельности?—Своимъ умомъ пытаться человѣку подняться на такую высоту созерцанія божественнаго суда значить—забыть свою ограниченность и напрасно стараться проникнуть и постигнуть премірную область, доступную одному божественному всевѣдѣнію «Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ человѣческой, сущій на небесахъ». (Іоан. 3, 13) вмѣсто того, чтобы безплодно трудиться надъ уясненіемъ, какою мѣрою, какъ строго нѣкогда будутъ оцѣнены наши добрыя дѣла, что виѣнитсѣ намъ, какъ должное, и что, какъ сверхдолжное прямо необязательное для насъ, въ настоящей жизни каждому христіанину лучше довольствоваться скромною долею смиреннаго послѣдователя Христа, одушевляемаго однимъ искреннимъ желаніемъ—по мѣрѣ дарованій—совершить возможно больше добра и всецѣло предаться милосердію Божію въ той непоколебимой увѣренности, что въ «день оный» ничто не будетъ забыто, и чаша холодной воды, съ любовью поданная ближнему, будетъ имѣть свою награду оный Господа (Мѣ. 10, 41-42). Но

если все проникающій пытливый человѣческій умъ не можетъ отказаться отъ стремленія—уяснить себѣ начало божественнаго правосудія, по которому будутъ оцѣниваться всѣ наши дѣла, то во всякомъ случаѣ, въ представленіе о судѣ Божіемъ нашъ разумъ не долженъ вносить такого рода понятій, которыя и съ здравой человѣческой точки зрѣнія должны быть признаны односторонними и узкими. Между тѣмъ, это совершенно справедливое требованіе игнорируется тѣми христіанскими богословами, которые въ жизни человѣка допускаютъ возможность излишка добрыхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего единственно вѣрнымъ началомъ, при опредѣленіи его заслугъ, полагають должны и сверхдолжны добрыя дѣла. Вся духовная жизнь человѣка, по ихъ воззрѣнію, должна непременно выразиться въ опредѣленныхъ видимыхъ формахъ, раскрыться въ опредѣленномъ количественномъ рядѣ добрыхъ дѣлъ, такъ что, суда по количественной сторонѣ совершеннаго добра, можно, будто-бы, навѣрное опредѣлить мѣру и степень нашего духовнаго развитія и даже указать, гдѣ заканчивается предѣлъ обыкновеннаго нравственнаго развитія и отсюда начтается новый періодъ высшаго, совершеннѣйшаго нравственнаго развитія. Но ктоже не пойм-тъ, что одинъ количественный масштабъ измѣренія духовной жизни весьма одностороненъ в далеко не обнимаетъ ея сущности, ея глубины и широты и всѣхъ ступеней ея развитія и возраста? Подобная точка зрѣнія была-бы умѣства, пожалуй, при оцѣнѣ нравственности ветхозавѣтнаго іудея, въ большинствѣ случаевъ полагавашаго полноту своего совершенства въ возможно большомъ и болѣе точномъ выполненіи вѣдшихъ предписаній закона; но она рѣшительно не приложима къ уясненію самого характера и степени зрѣлости духовной жизни христіанина. Жизнь эта есть глубочайшая и сокровеннѣйшая жизнь и развитіе нашего духа, совершенно неуловима для какихъ либо

осязательныхъ и точныхъ измѣреній посредствомъ формы и числа, чѣмъ точно опредѣляется сравнительная величина видимыхъ предметовъ; эта жизнь есть развитіе въ насъ твердой, искренней вѣры, не подлежащей наглядному измѣренію, и пламенной любви къ Богу, неподдающейся никакому математическому вычисленію. Не будемъ отрицать, что полнота духовной жизни, то или другое ея совершенство не можетъ не проявляться во вѣхъ — «отъ избытка сердца не могутъ не глаголати уста» — не можетъ не выражаться въ видимыхъ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ, которыя вообще мы называемъ христіанскою добродѣтелію или добрыми дѣлами. Но этими жизненными проявленіями далеко не исчерпывается и не обнимается все существо, вся полнота нашей духовной жизни, — по разнымъ видимымъ обнаруженіямъ о ней можно только гадать, но вѣрза судить увѣренно и непогрѣшительно. Правда, жизнь христіанина, всѣ его добрыя дѣла подлежатъ вѣшнему наблюденію; но вѣдь они представляютъ собою одинъ, такъ сказать, видимый результатъ невидимаго внутренняго живаго процесса духовной жизни, вслѣдствіе чего сами по себѣ не могутъ служить вѣрнымъ показателемъ ея высоты и совершенства. Они не говорятъ именно о томъ, какія духовныя силы проявлялись въ добрыхъ дѣлахъ — крѣпкія ли и здоровыя, или слабыя, болѣзненныя, какіе мотивы лежали въ основѣ дѣятельности человѣка и, наконецъ, какихъ усилій требовала со стороны человѣка его дѣятельность, легкой ли и безпрепятственной, или напряженной, соединенной съ трудною упорною борьбою съ окружающими обстоятельствами? Какъ выраженіе жизни духа, добрыя дѣла, дѣла, сами по себѣ не разъясняютъ намъ и того: подъ вліяніемъ какого настроенія духа совершались они — постояннаго ли и твердаго направленія къ добру, или случайнаго только и мимолетнаго? Словомъ, о всемъ, что касается внутренняго процесса нашей ду-

ховной жизни, что характеризуетъ ее внутреннее направле-
 ніе и что дѣйствительно опредѣляетъ степень силы и мѣру
 ее развитія и возраста, о всемъ этомъ нельзя судить по
 одной виѣшней показной сторонѣ добрыхъ дѣлъ; все это со-
 крыто отъ нашего взора въ глубочайшемъ тайникѣ человѣ-
 ческаго духа, гдѣ постоянно и непрерывно идетъ своя вну-
 тренняя работа независимо отъ всѣхъ виѣшнихъ жизненныхъ
 обнаруженій, въ которыхъ она не можетъ не проявляться,
 но которыя въ свою очередь служатъ только слабымъ и не-
 яснымъ ея отображеніемъ. «Кто вѣсть отъ человѣкъ, иже въ
 человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ»; одинъ
 Богъ проникаетъ глубины нашего духа и вѣдаетъ сердца
 людей; предъ Нимъ и открыта вся жизнь духа въ настоя-
 щемъ ея свѣтѣ. А со стороны человѣка было бы напраснымъ
 трудомъ пытаться по однимъ дѣламъ вѣрно и точно опредѣ-
 лить мѣру и степенъ развитія нашей духовной жизни. Одна
 количественная оцѣнка никогда не можетъ привести къ же-
 лаемой цѣли, такъ какъ тогда будетъ взвѣшиваться и оцѣ-
 ниваться, какъ уже сказано то, что далеко не выражаетъ
 самого существа жизни духа; полнота духовной жизни на-
 всегда останется для насъ сокровенною и неуловимою. Но,
 кромѣ того, что по одной количественной сторонѣ нельзя съ
 увѣренностію судить о степени развитія духовной жизни че-
 ловѣка, при такой точкѣ зрѣнія на дѣло мы могли-бы до-
 пустить въ своихъ понятіяхъ и много ошибочнаго,—не всег-
 да вѣдъ видимая сторона добродѣтели стоитъ въ полномъ со-
 отвѣтствіи съ невидимою качественною! Въ жизни много по-
 ступковъ совершенно сходныхъ, повидимому, съ христіан-
 скою добродѣтелію, но на самомъ дѣлѣ, если глубже вник-
 нуть въ нихъ, далеко несоотвѣтствующихъ самому духу до-
 бродѣтели, понимаемой въ христіанскомъ-смыслѣ слова. Одинъ
 всю жизнь, напр., благодѣтельствуетъ бѣднымъ, нищимъ;

двери его дома всегда широко раскрыты для сирыхъ и убогихъ, онъ дѣлится съ ними отъ щедротъ своихъ. Не правда-ли, что такая жизнь должна быть признава истинно христіанскою? Не напоминаетъ-ли она намъ жизнь первенствующихъ христіанъ, у которыхъ такъ горяча была любовь къ Богу и ближнихъ, что, по выраженію Дѣеписателя, у нихъ была одна душа, одно сердце, вслѣдствіе чего и нищихъ не было между ними? (Дѣян. 4, 32). Но взгляните поглубже въ душу такого щедрого благодѣтеля и, можетъ быть, вы увидите, что вовсе не любовь къ Богу и ближнимъ руководитъ имъ въ его дѣйствіяхъ, а желаніе чести, славы, популярности въ обществѣ; словомъ, достиженіе этимъ способомъ какихъ либо особыхъ житейскихъ цѣлей—вотъ дѣйствительный мотивъ его поражающей благотворительности! Но тогда кто же назоветъ такой образъ дѣйствій христіанскою добродѣтелию?! И слѣдовательно, можно-ли на основаніи одной показной стороны дѣлъ вѣрно судить о степени духовнаго совершенства такого человѣка? И фарисеи много благотворили, но для того, чтобы прославиться отъ людей, и они уже получили свою награду...

Съ другой стороны и самыя добрыя дѣла, совершаемыя ревнителями христіанскаго благочестія, но вѣдшею сторонѣ могутъ быть сходны между собой; но какъ различны могутъ быть они по силѣ проявившагося въ нихъ добраго настроенія сердца—постояннаго, или мимолетнаго и случайнаго, по степени энергіи и рвенія, обнаружившихся при совершеніи ихъ! Отсюда ясно, что всякое сужденіе о степени нравственнаго совершенства духовной жизни человѣка на основаніи одного количества совершенныхъ имъ добрыхъ дѣлъ очень часто можетъ повести къ весьма ошибочнымъ заключеніямъ.

Не слѣдуетъ—далѣе—оставлять безъ вниманія и того, что самое большое или меньшее количество совершенныхъ дѣлъ не всегда зависятъ исключительно отъ однихъ нрав-

ственныхъ качествъ человѣка, высоты его духовной зрѣлости, но и отъ многихъ постороннихъ, часто отъ него независящихъ условій и обстоятельствъ жизни. Дѣла христіанина стоятъ въ необходимой тѣсной зависимости отъ вѣшнихъ условій времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ, среди которыхъ живетъ онъ и дѣйствуетъ. Не самъ онъ создаетъ для себя разнаго рода случайныя, окружающія его обстоятельства; но онъ встрѣчается съ ними и подчиняется имъ всякій разъ, когда полнота его духовной жизни готова проявиться въ какомъ-либо добромъ дѣлѣ; и для лучшаго выполненія своихъ возвышенныхъ чувствъ и стремленій ему необходимо тогда благоразумно пользоваться имп. Конечно, многое въ этомъ случаѣ зависитъ отъ степени добраго расположенія самаго человѣка, развитія и вѣрности его духовныхъ силъ; но едва-ли больше отъ самого положенія его въ обществѣ и многихъ другихъ постороннихъ обстоятельствъ—будутъ-ли они содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ, или служить для нихъ неизбѣжнымъ тормазомъ. Съ слабыми нравственными силами, съ слабымъ развитіемъ духовной жизни, но при благопріятныхъ условіяхъ, христіанинъ въ состояніи сдѣлать сравнительно больше добра, чѣмъ сколько можетъ сдѣлать другой съ болѣе возвышенными благородными порывами сердца, съ болѣе широкими стремленіями, но среди трудныхъ и не всегда преодолимыхъ вѣшнихъ обстоятельствахъ. При одномъ и томъ-же добромъ влеченіи сердца—прийти на помощь ближнимъ—въ первомъ случаѣ онъ больше сдѣлаетъ добра, больше принесетъ ощутительной пользы ближнимъ, чѣмъ во второмъ. Но несомнѣнно въ глубинѣ его души останется тогда непочатое, можно сказать, сокровище неосуществившихся на дѣлѣ возвышенныхъ стремленій, при первой же возможности готовыхъ перейти въ дѣйствительность и потому цѣнныхъ наравнѣ съ добрыми дѣлами. Занимая высокой обще-

ственный постъ, чловѣкъ несравненно больше можетъ сдѣлать явнаго добра, чѣмъ тотъ, кто на ступеняхъ лѣстницы общественнаго положенія стоитъ послѣднимъ и остается потому мало, чтобы не сказать, почти совсѣмъ незамѣтнымъ, хотя, очень можетъ быть, и въ его душѣ также глубокіи, живы и сильны расположенія и стремленія ко всему возвышенному и доброму и если не проявляются онѣ въ какихъ-либо выдающихся дѣлахъ на благо чловѣчества, то единственно по неимѣнію къ тому и благопріятнаго случая и возможности. Богатый, у котораго во всемъ изобиліе, въ своей жизни несравненно больше можетъ проявить разныхъ дѣлъ благотворительности, чѣмъ трудящійся въ потѣ лица, несчастный бѣднякъ, у котораго едва достаетъ насущнаго хлѣба на дневное пропитаніе; онъ (богатый) на самомъ дѣлѣ всегда можетъ исполнить заповѣдь Спасителя о томъ, чтобы алчущихъ наормить, жаждущихъ напоить, нагихъ одѣть, больныхъ посѣтить, сирыхъ пріютить въ своемъ домѣ, что можетъ быть только предметомъ желаній чловѣка, нищему; а между тѣмъ и у него въ душѣ могутъ быть глубокія и сильныя чувства любви и сострадательности къ тяжелой участи нуждающихся, и его доброе сердце бьется искреннею любовію къ ближнимъ, полною готовностію оказать имъ какое-либо облегченіе ихъ нужды, хотя на самомъ дѣлѣ эти высокія нравственныя чувства могутъ проявляться сравнительно въ небольшихъ размѣрахъ, въ небольшихъ доляхъ пособій, ибо для большаго нѣтъ матеріальной возможности. За нѣсколько дней до праздника Пасхи въ предверіи храма спдѣлъ Спаситель, окруженный своими учениками и другими богомольцами. Предъ Нимъ проходило много народа, и многіе по многу отъ щедротъ своихъ опускали въ совровищницу храма; но вотъ подходитъ одна бѣдная вдова и кладетъ туда-же двѣ лепты. Спаситель обратилъ на нее вниманіе своихъ

учениковъ и сказалъ, что она положила больше всѣхъ, потому что всѣ вляли отъ избытка своего, а она отъ скудости своей положила все, что имѣла, все пропитаніе свое (Мрк. 12, 41—44). Не говорить-ли этотъ случай громко и убѣдительно о томъ, что было-бы совершенно несправедливымъ и противнымъ христіанскому ученію о нравственной жизни, если-бы степень ея развитія и совершенства мы стали подводить подъ опредѣленную количественную мѣрку и сравнительное ея достоинство опредѣлять количественнымъ отношеніемъ добрыхъ дѣлъ, въ которыхъ выражается нравственное настроеніе человека? Вѣдь тогда было-бы рѣшительно непонятно почему эти двѣ лепты, подаяныя на храмъ бѣдною вдовцею, Самимъ Спасителемъ были признаны за большую жертву въ сравненіи со всѣми щедрыми подаяніями богатыхъ жертвователей? Почему молящійся въ храмѣ мытарь, не сознавшій въ себѣ ничего добраго, а только одну грѣховность, не считавшій себя достойнымъ и очей своихъ поднять на небо, по словамъ Спасителя, вышелъ оправданнымъ, а гордый своими добродѣтелями фарисей, молившійся съ большимъ дерзновеніемъ, что онъ не таковъ, какъ прочіе люди—обидчики, грабители, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь, (пощусь, говорить онъ, два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что приобретаю)—на самомъ дѣлѣ вышелъ изъ храма осужденнымъ (Лк. 18, 10—14)? Почему блудница, не смотря на всю прежнюю грѣховную жизнь, въ виду ея обнаруженной искренней любви къ Спасителю, получила Отъ Него прощеніе грѣховъ своихъ (Лк. 7, 47—48)? Почему даже разбойникъ, достойно осужденной за свои дѣла на смертную казнь на крестѣ, за одни искреннія слова раскаянія и сердечную молитву: «помяни мя Господи во царствіи Твоемъ», услышалъ отъ Спасителя радостный отвѣтъ: «днесъ со Мною будешь въ рай» (Лк. 23, 40—43)? Такимъ образомъ, если

высоту совершенства духовной жизни человѣка ошибочно опредѣлять сравнительнымъ количествомъ исполненныхъ имъ добрыхъ дѣлъ, то повятво отсюда, что съ православно-христіанской точки зрѣнія на нравственное развитіе не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлахъ.

Они не мыслимы, наконецъ, въ жизни христіанина и съ точки зрѣнія того представленнаго намъ идеала нравственнаго совершенства, къ которому онъ долженъ стремиться. «Будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Мѡ. 5, 48) — вотъ идеалъ нравственнаго совершенства, данный Христомъ для всѣхъ людей и на всѣ времена! Онъ неисчерпаемъ, содержаніе его необъятно. Чѣмъ далѣе подвигается человѣчество въ выполненіи его, тѣмъ болѣе открывается неизвѣстныхъ еще сторонъ недосигаемаго, вѣчно живого идеала. Не только одинъ кто-либо изъ людей, но и все человѣчество въ совокупности никогда не будетъ въ состояніи взойти на одинъ уровень съ требованіями своего безконечнаго идеала. Еслибы человѣчество въ своемъ развитіи пережило этотъ идеалъ, перерасло бы его, тогда и христіанство могло бы быть замѣнено новою религіей. Но христіанскій идеалъ всегда и вѣчно будетъ идти далеко впереди человѣчества, которое никогда не можетъ не только возвыситься до христіанскаго идеала и христіанскаго ученія, но и постигнуть всей высоты и величія перваго и всей глубины послѣдняго. Идеалъ нравственнаго поведенія, представленный Спасителемъ въ Его изреченіяхъ о блаженствахъ, даетъ вѣковѣчное, неисчерпаемое содержаніе для нравственнаго развитія человѣка, ставитъ на пути нравственнаго совершенства цѣли постоянно близкія къ человѣку и постоянно удаляющіяся по мѣрѣ приближенія его къ нимъ и чрезъ то самое побуждаетъ его стремиться далѣе и далѣе, не увлоняясь и не удовлетворяясь достиженіемъ какой-либо опредѣленной нравственной ступени, какъ

конечной цѣли совершенства, съ которою прекращается возможность дальнѣйшаго совершенствованія. Какъ видите, идеалъ нашего нравственнаго совершенства такъ высокъ, такъ необъятенъ и не досягаемъ, что не только настоящей, но и всей будущей жизни, кажется, будетъ мало для его осуществленія! И кто всѣми силами своей души рѣшился стремиться къ возможному его осуществленію, не только въ настоящей жизни, но и въ загробной не достигнетъ того нравственнаго состоянія, чтобы съ спокойною совѣстію могъ считать себя совершенно выполнившимъ свой долгъ, послѣ чего оставалась-бы возможность для него совершить еще что-либо сверхдолжное. О ветхозавѣтномъ законѣ псалмопѣвецъ говорилъ: «широка заповѣдь зѣло» (ис. 118), а законъ Евангельскій еще шире. Въ прощальной рѣчи съ своими учениками Христосъ говоритъ: «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе» (Іоан. 13, 34); «сія заповѣдь моя, да любите другъ-друга, якоже возлюбихъ вы. Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Іоан. 13, 34), «Якоже Азъ возлюбихъ» ... «да кто душу положитъ за други» вотъ, предѣлъ, до котораго должно простирается выполненіе заповѣди Христовой о любви! «А за этимъ предѣломъ, если кому суждено перейти его, уже вѣногда и думать, говорить намъ отечественный богословъ Преосв. Сильвестръ, о чемъ-либо новомъ, сверхдолжномъ по отношенію къ настоящей жизни, а время начать думать о должномъ по отношенію къ открывшейся предъ нимъ жизни будущей» При такой необъятной широтѣ Евангельскаго ученія и такой недосыгаемой высотѣ нравственнаго идеала даже болѣе другихъ подвижавшіеся подвигомъ добрымъ вѣногда не обольщали себя мыслию сдѣлать что-либо излишнее въ нравственномъ отношеніи, но оставались при томъ убѣжденіи, что они далеко не исполни-

ли того, что во всю жизнь было постоянным предметом их нравственных стремлений и нравственного их долга. Если даже на высотѣ апостольскаго служенія св. ап. Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій говорить о себѣ: говорю такъ не потому, чтобы я уже достигъ, или усовершился, но стремлюсь, — не достигну—ли я, какъ достигъ меня Христосъ Иисусъ;— братія, я не почитаю себя достигшимъ, а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ чести вышняго званія Божія во Христѣ Иисусѣ, — если ему цѣль нравственной дѣятельности его кажется еще недостигнутой, то этимъ всего яснѣе и лучше доказывается неисчерпаемость нравственнаго принципа, руководящаго дѣятельностію христіанина. Тѣмъ болѣе далека была мысль о возможности сдѣлать не только что-либо лишнее, но и должное выполнить совершеннѣйшимъ образомъ, отъ всѣхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія, ни на минуту не забывавшихъ немощи своей природы и глубже другихъ понимавшихъ смыслъ наставленія возлюбленнаго ученика Господня Іоанна Богослова о томъ, что если мы скажемъ, что не имѣемъ грѣха, то только обольщаемъ себя и въ насъ нѣтъ правды (1 Іоан. 1, 8).

(Продолженіе будетъ).

Изъ писемъ священника къ молодому брату—священнику.

Дорогой мой братъ!

Давно я ни писалъ тебѣ. Прости за долгое молчаніе. Часто собирался писать, да не было свободнаго времени. Незамѣтно какъ-то наступилъ великій постъ: прошли шесть недѣль онаго, близко—конецъ. Такъ быстро уходитъ отъ насъ это время подвиговъ духовныхъ, молитвъ, слезъ и покаянія.

Когда же будемъ мы молиться? Когда духовныхъ своихъ чадъ будемъ располагать къ молитвѣ, богомыслию? И чѣмъ мы расположимъ ихъ къ этому?—Церковнымъ истово богослуженіемъ будемъ располагать ихъ къ богомыслию всегда, особенно же въ святые дни поста.

На служебникѣ, тебѣ подаренномъ, я сдѣлалъ на первой страницѣ такую надпись: «проклять творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ». Помню, какъ истово отпращивалъ службу Божію родитель нашъ—священникъ. Ты-то едва ли помнишь это. Съ родителемъ служилъ старикъ дьячекъ. Это былъ старикъ, какихъ теиерь, пожалуй, и не встрѣтишь. Онъ былъ прекрасный чтець: читалъ не спѣшно, на распѣвъ, по церковному; читалъ такъ внятно, громко и раздѣльно, что каждое слово, каждая почти буква были слышны въ св. храмѣ всякому; читалъ всегда безъ пропусковъ, сполна; при чтеніи такъ углублялся въ смыслъ читаемаго (онъ былъ изъ старыхъ риторовъ и челоувѣкъ не глупый), что забывалъ тогда все. Особенно любилъ онъ псалтирь. При чтеніи ея старикъ, казалось, думалъ и чувствовалъ, вмѣстѣ съ св. царемъ Давидомъ. Зато и любилъ прихожане это чтеніе дьячка и нисколько не тяготились продолжительностью службы. Я знаю это по собственному опыту; старикъ служилъ на закатѣ дней своихъ со мною почти полгода. Вотъ этого-то старика замѣнилъ при родителѣ псаломщикъ—дьяковъ молодой. Когда этотъ псаломщикъ служилъ съ родителемъ діакономъ, я нерѣдко замѣнялъ его на клиросѣ. Грѣховъ юности моя не помяни мнѣ, Господи! Бывало: не посмотрю, какъ слѣдуетъ, церковнаго устава заблаговременно предъ службой; «урѣжу» малость и каѳизмы. Тогда родитель мой напоминалъ мнѣ кротко это изреченье: «сынъ мой, помни: проклять творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ»; приводилъ мнѣ на память и слова св. Андрея Критскаго (замѣтилъ ли, гдѣ они находятся?) «почитай божественная честиѣ». Что слышалъ отъ отца, то напоминаю и тебѣ, брате іерею, во спасеніе души, на поль-

зу твоей паствы. О каюзмахъ же скажу словами св. Златоуста: «лучше пусть солнце померкнетъ чѣмъ слова Давида предадутся забвенію» (Сл. о покаяніи II). Въ Абиссиніи, говорятъ, многіе духовныя лица знаютъ псалтирь, а нѣкоторые— всю біблію наизусть.

Явился ты въ храмъ Божій. Куда явился? Предъ Кого предсталъ? Въ Чей домъ вошелъ быстро и ходишь такъ свободно, точно въ своемъ домѣ? Если бы тебѣ пришлось войти въ чертогъ царя земнаго, — во дворецъ, въ отсутствіи даже царя, думаю, — трепеть объялъ бы твою душу: ты не смѣлъ бы сдѣлать шага, поднять очей, открыть уста. Впрочемъ, за примѣрами ходить далеко не надо. Не такъ еще давно — точно вчера это случилось, живо воспоминае! — общій нашъ отецъ Владыка пригласилъ къ себѣ на чай весь обще-епископальный съѣздъ. И говорили мнѣ счастливые о.о. собраты: «въ смущеніи были мы за трапезой Владыки; хранили мы молчанье, мало говорили; и не потому молчали, что строгъ нашъ Ахицастырь (онъ строгъ, гдѣ видитъ зло; гдѣ нѣтъ сего послѣдняго, онъ добръ и ласковъ, какъ отецъ!), нѣтъ! мы просто, не зная за собой вины, смущались въ его повояхъ, отъ непривычной обстановки». Какой же страхъ ты испыталъ бы, представъ Царю въ Его дворцѣ! А ты предсталъ Царю царей! вошелъ ты въ домъ Его святой! Къ Святѣйшему приблизился ты, грѣшный! Не даромъ же св. Давидъ взываетъ такъ: «едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святой Его». (Пс. 26, 4). Именно: «лучше день одинъ во дворѣхъ твоихъ (замѣть: во дворѣхъ только!) паче тысящъ; изволихъ приметатися (лежать у порога — только) въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ» (Пс. 83, II). Ты предсталъ Тому, Чье имя славословятъ непрестанно ангелы, архангелы, престолы, власти и господства и прочіе духи безплотныя святыя, и какъ при этомъ славословятъ «Со стра-

хомъ и трепетомъ лица закрывающе и вопіюще пѣснь: ал-
лилуіа». А мы съ тобой, брѣнное имѣюще тѣло, уста нечи-
стыя, приступаемъ къ престолу Господа Царя небрежно такъ!
О, нѣтъ! повергнись долу, братъ, предъ симъ св. престо-
ломъ: на немъ въ неизреченой славѣ сидитъ Господь, Создатель
твой, Отецъ и Грозный Судія!

Прежде всего—просмотри внимательно по уставу поря-
докъ службы, чтобы не сиравляться послѣ съ типикономъ,
когда и что слѣдуетъ тебѣ совершить или произносить. Отъ
этого происходятъ въ службѣ остановки, а онѣ, конечно, не
желательны. Кстати, скажу здѣсь о церковномъ сторожѣ и
пономарѣ. Перемѣнять безъ надобности часто сторожей не-
удобно: не успѣетъ одинъ познакомиться съ порядкомъ службъ
церковныхъ, колокольнымъ звономъ и пр., его замѣняетъ
другой не знающій; этого опять надо учить и т. д. Понома-
ремъ возьми себѣ мальчика лѣтъ 10 или 8—изъ школьниковъ;
въ полгода или не много больше онъ привыкнетъ къ своей дол-
жности. Видѣлъ ты, какъ твой 10-лѣтній племянникъ сира-
вляеть это дѣло уже три года; теперь онъ готовится себѣ пре-
емника тоже 8 лѣтняго. Мальчика, конечно, необходимо при-
учить какъ держать себя въ св. алтарѣ, именно: онъ дол-
женъ быть всегда чисто одѣтъ, умытъ, ходить безшумно, дѣ-
лать поклоненіе предъ св. престоломъ вмѣстѣ съ тобою, знать
время зажечь и погасить свѣчи и лампы, умѣть подать ка-
дило, теплоту и пр. Особенно не допускай разговоръ въ
св. алтарѣ, да и вообще въ храмѣ это очень неприлично; и
входить въ св. алтарь, безъ особенной надобности, кромѣ по-
номаря, никому не позволяй. Того требуютъ каноны церков-
ные. Говорятъ: индѣ сдѣланы были въ этомъ отношеніи та-
кія «поблажки» мірянъ, что одинъ епархіальный Архіерей
Окружнымъ посланіемъ предписывалъ духовенству обратитъ
строгое вниманіе на соблюденіе церковныхъ правилъ. Такъ
и надо, конечно! Посему то особенно важно самому іерею при-
учать себя стоять предъ Богомъ, ходить предъ Нимъ. Вошелъ

ты въ Божій храмъ, припалъ къ престолу благодати, возложалъ на выю эпитрахиль,—ты всталъ предъ Богомъ, ты—предъ Нимъ Всевидающимъ. Конечно, и всегда мы, какъ праведный Енохъ, о коемъ сказано: «угоди Богу Енохъ» (Быт. 5, 22), или цѣломудренный Иосифъ, сынъ Якова, сказавшій женѣ Пентефрія; «какъ сотворю глаголь злый сей и согрѣшу предъ Богомъ» (Быт. 39, 9), ходить предъ Господомъ, живо представлять себя въ Его присутствіи, да часто забываемъ это—грѣшныя. Забыть это при службѣ, въ св. храмъ—грѣхъ великій. Что же дѣлать?—углубляйся, мой другъ и дорогой братъ, въ слова молитвы; продумай, прочувствуй каждое слово ея, каждое дѣйствіе священное. Оставь мірское, тлѣнное землѣ; вознось умомъ и сердцемъ горѣ. Вѣдь самъ ты приглашаешь: горѣ имѣемъ сердца. Имѣй прежде другихъ его ты самъ у Бога, въ вышнихъ, тамъ... Помни: ты не одинъ вѣдь служишь; съ тобою служатъ воинства небесныя, имъ и подражай! Молись! излей потоки слезъ! Возблагодари Создателя, что сподобилъ Онъ тебя—грѣшнаго и непотребнаго раба—приносить за міръ и за себя сію безкровную святую жертву. «Совершишася!» изрекъ Соаситель на крестѣ. Совершается и нынѣ ежедневно: ты приготовлялъ вино и хлѣбъ, сказалъ слова пресуществленія, благословилъ вино и хлѣбъ в чудо: что ты видишь:—истинное Тѣло и истинную Кровь Христа Спасителя. О, неизреченнаго Божія къ намъ милосердія! Се Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклаться и даться въ снѣдъ вѣрнымъ. Падемъ же ницъ предъ Нимъ! «Помани насъ, Господи, во царствіи Твоемъ!».

Въ сіи священныя минуты не забуди, брате—іерею, помянуть многогрѣшнаго іерея Димитрія:

Марта 30 дня 1900 года.

ТАБАЧНЫЙ ДЫМЪ.

На площади города К. стояли три мальчика въ форменной одеждѣ и у каждаго изъ нихъ курилась папироска. Я подошелъ къ нимъ и вступилъ съ ними въ разговоръ.

— Здравствуйте, господа! Я не могъ спокойно пройти мимо, не попробовавъ васъ убѣдить бросить куреніе, которое дѣйствуетъ какъ медленный, но губительный ядъ.

— Какой же можетъ быть вредъ отъ табачнаго дыма?

— А вотъ какой; сами разсудите. Отъ дыханія зависитъ образованія крови, которая питаетъ мозгъ и весь организмъ; а потому, чтобы этотъ организмъ былъ здоровъ и способенъ ко всякаго рода дѣятельности, дыханіе должно совершаться безпрепятственно и непрерывно, подобно качанію маятника, управляющаго сложнымъ часовымъ механизмомъ. Табачный дымъ тѣмъ вреденъ, что онъ нарушаетъ правильность доступа необходимаго количества воздуха къ легкимъ и раздражаетъ внутреннюю, слизистую поверхность дыхательныхъ путей. Какъ и всякая тонкая пыль, дымъ, попадая въ дыхательныя пути, засоряетъ ихъ и они бы скоро запрудились, если бы покрывающая ихъ слизистая оболочка не была сплошь покрыта влажными клѣточками, на которыхъ насажены непрерывно двигающіяся рѣснички. Все, что на нихъ падаетъ, онѣ гонятъ по направленію въ выходу дыхательныхъ путей. Увлажненная слизью, пыльные частички скучиваются въ комочки. Эти комочки загрязненной слизи раздражаютъ слизистую оболочку и возбуждаютъ кашель, которымъ они выбрасываются или отхаркиваются. Для того, чтобы отхаркиваніе происходило какъ слѣдуетъ, нужно, чтобы рѣснички дыхательныхъ путей не портились и чтобы нервы, заставляющіе ихъ двигаться, были въ исправности.

Пыль или дымъ, примѣшиваемые къ дыхательному воздуху, дѣйствуя продолжительное время, наконецъ вносятъ вредъ рѣсничкамъ слизистой оболочки и тогда онѣ начинаютъ дурно исполнять свою работу—удаленія слизи.

Кромѣ того, что у курильщиковъ происходитъ кашель съ выдѣленіемъ мокроты, у нихъ во вредъ организму, много выплевывается и слюны, необходимой для пищеваренія.

Мальчиши выслушали меня со вниманіемъ и одинъ изъ нихъ, болѣе бойкій, сказалъ:

— То, что вы говорите о вредѣ куренія должно быть и на самомъ дѣлѣ такъ, но чтобы тамъ ни было, а дымокъ отъ папирозъ имѣетъ въ себѣ что то заманчивое.

Сказавшій эти слова улыбнулся, а за нимъ и его товарищи. Улыбки ихъ меня нѣсколько раздосадовала, но я рѣшился продолжать бесѣду.

— Сколько бы ни было заманчиваго въ куреніи, но оно слишкомъ дорого обходится организму. Сверхъ того вреда отъ табачнаго дыма, о которомъ я уже вамъ сказалъ, въ немъ заключается сильно дѣйствующій ядъ-никотинъ, который вліяетъ на мозгъ, угнетая его и ослабляя работу его и всей нервной системы.

— Почему же мы не видимъ послѣдствій такого вреда? Многіе наши художники, литераторы и ученые курили и продолжаютъ курить, и это не помѣшало имъ достигать славы.

— Да, но если бы они не курили, то достигли бы большаго. Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Титіанъ поражаютъ насъ недосыгаемымъ величіемъ своего творчества— а они не курили. Знаете ли, до чего можетъ довести продолжительное, неумѣренное куреніе? Отъ него происходятъ: хроническій катаръ дыхательныхъ путей, порча пищеваренія, грудная жаба, неправильности дѣятельности сердца, дрожаніе рукъ и головы, ослабленіе памяти, зрѣнія и слуха. Нѣтъ сомнѣнія, что курильщики сокращаютъ свою жизнь на одинъ или два десятка лѣтъ и дѣлаютъ ее менѣе счастливою.

Пока я говорилъ, молодые люди побросали папирозы.

— Вы насъ порядкомъ напугали; но почему же «правительство» не распорядится, чтобы насъ учили, что куренія слѣдуетъ избѣгать, какъ вреднаго для здоровья?

Такой неожиданный, наивный вопросъ со стороны мальчика вызвалъ у меня улыбку; но мнѣ подумалось, что онъ

правъ и что несомнѣнно было бы полезно во всѣхъ школахъ давать необходимыя понятія вообще о гигиенѣ, а не только объ одномъ куреніи.

— У правительства слишкомъ много заботъ для того, чтобы оно могло непосредственно входить во всѣ частности, касающіяся благостоянія каждаго отдѣльнаго человѣка въ государствѣ. Не можетъ же оно наблюдать за тѣмъ, чтобы каждый изъ васъ не слишкомъ объѣдался картофелемъ, не употреблялъ въ пищу возбуждающихъ и раздражающихъ средствъ, каковы: вредныя закуски, вино и пиво? Не можетъ оно слѣдить и за тѣмъ, чистъ ли воздухъ въ вашей спальнѣ, опрятно ли вы себѣ держите, пользуетесь достаточно прогулками и играми на свѣжемъ воздухѣ, не ложитесь ли спать слишкомъ поздно, не зачитываетесь ли при тускломъ свѣтѣ, нанося тѣмъ вредъ своему зрѣнію?

Обо всемъ подобномъ вы узнаете не отъ правительства, а отъ тѣхъ лицъ, на которыхъ оно возлагаетъ обязанность заботиться о вашемъ здоровьи, и отъ всѣхъ близкихъ и расположенныхъ къ вамъ. Наиболѣе благія указанія можно получать въ семьѣ—она можетъ учить, беречь свое здоровье.

Семью дополняетъ и можетъ замѣнять школы, даже одинъ учитель. Какъ все въ мѣрѣ, семья, школа и учитель бываютъ различны. Счастлива тотъ, у кого хорошая семья, хорошая школа, хорошій учитель.

(Изъ кн. «Душа и школа», П. Малышева, стр. 107—112).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Календарь „СИНЯГО КРЕСТА“

ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О БѢДНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ДѢТЯХЪ,

состоящаго подѣ августѣйшимъ покровительствомъ

Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

НАСТОЛЬНАЯ, СПРАВОЧНАЯ и АДРЕСНАЯ КНИГА

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

съ картами, планами, портретами и рисунками

выйдетъ 1-го Ноября 1900 года въ количествѣ 20000
экземпляровъ.

Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 50 коп. (съ пересылкой 2 руб.).

Примѣчаніе. *Пріемъ объявленій въ Календарь «Синяго Креста» производится: въ Редакціи Календаря «Синяго Креста» Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подѣ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны— С.-Петербургъ, Сергіевская ул., № 41, в уполномоченными лицами, съ особыми на сіе удостовѣреніями за подписью г. Завѣдующаго изданіемъ Календаря «Синяго Креста» съ приложеніемъ печати Редакціи.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Мелитопольскимъ мѣщаниномъ Митрофаномъ Ивановичемъ Евстратовымъ изобрѣтены замки подѣ названіемъ «Русская черепаха» — ночной сторожъ». Замки эти весьма прочны, не поддаются взлому и, по устройству ихъ механизма, не могутъ быть открыты подобраннымъ ключемъ, такъ какъ 3000 замковъ имѣютъ разнообразныя внутренности, и вражи при такихъ замкахъ почти невозможны.

Съ требованіями обращаться въ с. *Михайловку, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи къ М. И. Евстратову.*

Прейскурантъ высылается бесплатно.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Отъ Особаго Комитета по сооружеінію въ г. Воронежѣ храма
Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Взглядъ на жизнь православнаго христіанина.—N.N.

Изъ писемъ священника къ молодому брату—священнику.

Табачный дымъ.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Протоіерей *А. Стаскій.*

Довол. Цевзурою. Воронежъ. Іюля 1 дня 1900 г. Цевзоръ Прот. П. Палицынъ.